

В один миг Ли Цюань весь обратился в слух, его любопытство разгорелось не на шутку. Вытаращив глаза, он нетерпеливо выдохнул:

— И что дальше?

— А дальше, — усмехнулся десятник Чжао, — наш генерал прикинул, что длины манежа хватит, и просто швырнул проклятого «Черного Водяного Дракона», пропитанного аурой смерти и застарелой злобой, прямо в кормушку. Видать, места другого не нашел!

Десятник причмокнул, явно наслаждаясь собственным рассказом.

— Лошади ведь твари чуткие. Как пахнуло на них за версту чистой яростью, так все, кроме генеральского жеребца, разом и взвились. Кто головой затряс, кто на дыбы вскинулся, храпят, ржут в ужасе... Пыль столбом, грохот — и хлипкая конюшня сложилась как карточный домик под напором обезумевших коней.

Ли Цюань глупо разинул рот. Он долго переваривал услышанное, прежде чем выдать:

— Генерал наш... и впрямь... величественный человек.

«Не говорить же, что у него винтика в голове не хватает», — подумал он про себя.

Десятник Чжао понимающе хлопнул парня по плечу.

— Наш генерал — человек хороший, это ты со временем поймешь. Ладно, служи давай, приглядывай за ним.

Привязав коня, Чжао небрежно махнул рукой и неспешно направился к своему шатру.

Ли Цюань так и остался стоять, прижимая к груди тяжелого «Черного Водяного Дракона». Слова десятника не давали ему покоя. Генерал — хороший человек? В памяти всплыло вчерашнее:

«Ты — солдат. А я — твой командир».

Вспомнив, что последовало за этими словами, парень почувствовал, как в животе всё завязывается узлом. Неужто генерал и впрямь «хороший»?

На следующее утро, во время переключки, Ли Цюань то и дело зевал, но, глядя на

вытянувшихся в струнку товарищей, изо всех сил подавлял сонливость. Вскоре перед шатром главнокомандующего собралось почти сотысячное войско.

Площадь перед ставкой расчистили, установили высокий помост. Рядом с огромным, размером с чан, барабаном из воловьей кожи на ветру трепетало красно-золотое знамя, ярко выделяясь на фоне пронзительно-синего неба Западных холмов. Маркиз, умиротворяющий дальние земли, Фань Ло, его верные помощники Ян Цзо и Вэй Ю, а также военный советник Фан Уби в строгом ученом платье уже стояли на возвышении.

Ли Цюань затаил обиду на Фань Ло после вчерашней ночи, но сейчас, глядя на него, не мог не замереть. Генерал был облачен в Черный доспех из закаленного железа, за его спиной развевался запятнанный кровью плащ. Он смотрел на легионы с суровым выражением лица, прекрасного, словно выточенного из яшмы. В этом облике, замершем между небом и землей, было нечто божественное.

В каждом мужчине живет преклонение перед истинной силой. Ли Цюань сглотнул, не в силах отвести взгляда.

Сбор перед походом — дело привычное, нужное для поднятия духа. Цзян-цзунбин в таких случаях всегда читал по свитку — писарь за ночь набрасывал высокопарные речи о верности императору и защите границ. Ли Цюань приготовился к тому, что слова в очередной раз влетят в одно ухо и вылетят в другое, решив просто любоваться «небожителем» на помосте.

Однако Фань Ло не проронил ни слова. Под палящим солнцем лениво кружилась пыль, а он лишь равнодушно обвел взглядом строй. На площади воцарилась такая тишина, что слышно было дыхание тысяч людей.

Наконец Фань Ло кивнул помощникам, развернулся к гигантскому барабану и, перехватив колотушку, ударил по натянутой коже.

«Бум!» — гулкий, тяжелый звук пророкотал над равниной, словно первая зарница перед грозой.

«Бум!» — второй удар был еще глубже, тревожнее, будто черные тучи придавили землю.

«Бум... Бум...»

Удары следовали один за другим в ровном, неумолимом ритме. Ли Цюань смотрел на профиль генерала — тонкие брови, сосредоточенное лицо, почти священное величие. Сердце парня затрепетало, забившись в унисон с этим грохотом.

Внезапно Вэй Ю рывком обнажил меч. Широкий клинок сверкнул холодным стальным блеском. Помощник генерала, чья аура за годы сражений стала подобна разъяренному тигру,

вырвавшемуся из клетки, взревел всего одно слово:

— Смерть!

Смерть тем, кто топчет нашу землю!

Смерть тем, кто истязает наш народ!

Смерть — за павших братьев!

Прежде чем Ли Цюань успел опомниться, он обнаружил, что орет вместе со всеми. Всё его внимание было приковано к генералу. Забыв обо всем на свете, он выкрикивал в бескрайнее небо:

— Смерть! Смерть! Смерть!

Он почувствовал, как закипает кровь, а взгляд становится багряным, и ярость захлестнула его разум. Жажда битвы взметнулась до небес. Смерть любому, кто встанет на пути!

Всего пара ударов барабана — и генерал пробудил в каждом ту первобытную жажду крови, что скрыта в глубине души. Вот таков он — предводитель армии карателей.

Среди оглушительного рева Фань Ло развернулся и выхватил меч. В этот миг Ян Цзо вывел на помост вчерашних пленников. Вспышка холодной стали — и головы покатались по доскам, заливая помост кровью.

На миг стало тихо, но лишь для того, чтобы толпа взорвалась с новой силой:

— Смерть! Смерть! Смерть!

Десятки пленников в чужеземных одеждах были обезглавлены в считанные мгновения. Кровь брызнула на знамена, стекая вниз густыми алыми струйками. А маркиз, усмиряющий дальние земли, всё так же стоял с бесстрастным лицом, сжимая ледяной клинок. Лишь капля крови на лбу, между бровей, делала его похожим на мстительного демона-Асуру.

— В поход!

Фань Ло был истинным «псом войны».

Его отец, прозванный «Богом войны» еще при покойном императоре, годами ковал мощь Великой Цзинь в седле. Женившись на сестре государя, он оставил после себя единственного сына, унаследовавшего титул и славу маркиза, умиряющего дальние земли.

Фань Ло впервые оказался на поле боя в четырнадцать лет. Старые генералы, глядя на этого хрупкого мальчишку с лицом прекрасным, точно у девицы, лишь горестно вздыхали.

В первом же сражении, когда юный маркиз на рыжем жеребце выехал перед строем, вражеский военачальник разразился хохотом:

— Неужто в Великой Цзинь мужики перевелись, раз прислали к нам на битву смазливую девчонку?

Фань Ло тогда не проиграл, но насмешки подорвали дух воинов. Битва закончилась ничьей. Пока старые командиры думали, не заставить ли юнца надеть устрашающую маску, Фань Ло в одиночку отправился в лагерь для пленных.

На следующий день, едва враги изготавились к бою, «девчонка» вскинула копье и швырнула некий предмет к ногам вражеского генерала. Тот поднял его, всмотрелся — и вздрогнул.

Это была человеческая голова. Судя по прическе — воин его собственного племени. Глаза мертвеца были выпучены, рот разинут, язык вывалился наружу. Застывший на лице ужас выдавал, какие муки он претерпел перед смертью.

— Какая жестокость! — взревел враг и пустил стрелу, но Фань Ло небрежно отбил ее копьем. Он пустил коня вперед, и когда «девчонка» приблизилась, вражеский военачальник осекся.

Маркиз, чей лик был подобен изысканному свитку, ехал на коне, к седлу которого были приторочены десятки отрубленных голов. Обезображенные, застывшие в предсмертных конвульсиях лица окружали этого прекрасного юношу живым щитом.

Бодхисаттва на лотосе дарит милосердие, а этот Асура, попирая ногами ад, несет лишь гибель...

В тот день они одержали сокрушительную победу. С тех пор во всей Поднебесной никто не смел смотреть на Фань Ло свысока. В столице говорили: «У тигра не родится щенок», — мол, дух покойного маркиза может быть спокоен.

Мудр, отважен, беспощаден. Настоящий «Генерал Смерти».

Слушая всё это, Ли Цюань не выдержал и пару раз сплюнул. Да что эти столичные господа понимают? У них что, глаза дерьмом замазаны?

Генерал просто... слишком уж чудной.

Ну, если называть вещи своими именами, Ли Цюань считал, что у генерала в голове не хватает пары винтиков. Поэтому он и не боится всех этих гор трупов.

Сейчас парень закончил помогать Фань Ло с умыванием и вышел из шатра с тазом в руках. У костра сидел десятник Чжао, который после маневров травил байки новобранцам — таким же новичкам, как Ли Цюань. Но услышав очередную «героическую» историю, Ли Цюань почувствовал, что не может больше молчать.

За последнее время, хотел он того или нет, ему пришлось привыкнуть к службе у маркиза. Он чистил Черный доспех, протирал «Черного Водяного Дракона», а в походах всегда держался у стремени его коня.

Утро, обед, ужин... иногда даже приходилось заботиться о «ночном перекусе» генерала. От этих мыслей Ли Цюань невольно залился краской. То странное, тревожное чувство «разрядки», которое генерал искал в нем поначалу, со временем стало привычным.

Вспоминая нахмуренные брови чуть покрасневшегося генерала, Ли Цюань и сам густо покраснел. Наверное, генерал просто еще молод, вот и энергии в нем через край... Иногда он приходил раньше времени и видел, как Ян Цзо выходит из шатра... он чувствовал, как лицо вспыхнуло.

Чтобы генерал не вздумал среди ночи искать его в казармах, парень сам стал оставаться в его шатре. Он дремал в углу, дожидаясь, пока маркиз уснет, и только тогда уходил.

И вот однажды ночью, борясь со сном, он заметил, как генерал при свете тусклой свечи внимательно изучает какой-то клочок бумаги, испещренный мелкими, как муравьи, иероглифами. Видимо, донесение от разведчиков — Фань Ло читал очень сосредоточенно.

Ли Цюань, будучи человеком без особых амбиций, подумал: «Мое дело солдатское — слушаться приказа, а в бумаги лезть нечего». Он уже собрался повернуться на другой бок и досмотреть сон, но снова бросил взгляд на лицо маркиза. Он широко раскрыл глаза, глупо улыбнулся, а в углу рта даже показалась ниточка слюны. Чего греха таить — какой мужчина не любит красоту? Ли Цюань часто ловил себя на мысли: «Эх, взять бы в жены такую красавицу, как генерал...»

Разумеется, при условии, что характер у нее будет мягкий и покладистый, а не как у этой ледышки.

Он так и замер, любясь, пока не услышал едва уловимое «□-□»... Внутри всё похолодело. Что-то было не так. Тело сработало быстрее разума: Ли Цюань вскочил и с криком:

— Генерал, берегитесь! — бросился вперед, придавливая Фань Ло к земле.

Стражники снаружи, услышав крик, заглянули внутрь, но, увидев двоих на полу, поспешно скрылись.

В неверном свете свечи они лежали, сплетясь телами. Лицо генерала — то самое, о котором Ли Цюань мечтал, — было совсем рядом. Кожа блее нефрита, глаза — черные, точно тушь. Он смотрел в них и не мог пошевелиться.

<http://bllate.org/book/17414/1650412>